

Кн. обозрение, — 1994. — 25 окт. — с. 8.

Коротко — об истории этого издания. Наше время — смутное и суетное. И вдруг тебе предлагаю принять участие в издании семитомника Достоевского. Не перевелись, слава Богу, на Руси люди, которые не деньгами, не выгодой сиюминутной озабочены, но — просвещением, просветительством больных, люди, к которым так точно относятся слова Достоевского: «Великое дело любви и настоящего просвещения. Вот моя утopia!» (24; 195).

Издание Достоевского — часть долгой работы по воссозданию того, что я бы назвал *большим компасом*. Я имею в виду *культуру и религию* (независимо от того, считать ли религию частью культуры или, наоборот, культуру частью религии). Ведь и 70 лет, при коммунизме, и последнее почти десятилетие мы, в большинстве своем, ориентируемся по какому-то маленькому, поддельному компасу, которые все время показывают *не туда*...

Но издатели поставлены в крайне жуткие условия и по срокам издания, и по объему: сдать все нужно в считанные недели и только семь томов, ни страницей больше. В «сером» десятитомнике Достоевского 50-х годов напечатаны 35 его произведений, здесь же — всего 24 плюс выдержки из писем и заметок писателя.

Принципиальным представляется выделение в особые «Созвездия» (седьмой том) таких произведений, как «Мальчик с ручкой», «Мальчик у Христа на ёлке», «Ёлка в клубе художников», «Золотой век в кармане», «Мужик Марей» и «Столетняя», и особенно таких, как «Записки из подполья», «Приговор», «Бобок», «Кроткая», «Сон смешного человека». Эти последние являются как бы *«маленькими трагедиями»* Достоевского, это — внутренние связанные части *единой цельной симфонии*.

Наконец, мы включили в основной корпус «Бесов» «зарезанную», при первой журнальной публикации романа главу «У Тихона», «благодаря» чему роман был похож на храм без центрального купола (даже если эта глава давалась в виде приложения к «Бесам»: храм — отдельно и купол — отдельно).

***

Мой путь к постижению Достоевского очень долгий и сложен (я осмеливаюсь говорить об этом пути только потому, что он довольно типичен для людей моего поколения, а может быть, и не только моего).

Первое прочтение. Я прочитал Достоевского («Преступление и наказание») впервые подростком, 50 лет назад. Ощущение было такое: невероятное притяжение и невероятное же отталкивание... XIX век, старуха-процентщица, какой-то Раскольников... Я-то тут при чем? Никого не убивал и не помышлял о таком, но вдруг, непонятно почему, возникло чувство вины, *презумпция вины*, точнее — *виноватости*...

Второе прочтение (уже почти всего Достоевского), лет десять спустя, было ошеломляющим: я сопоставлял его пророчества с реальностью. «Спутник-топор»... Помните? Иван Карамзов спрашивает чёрта: а что будет с топором, если его запустить в космос? — Как что? Превратится в *спутник* и будет висеть над Землей... Или еще: отец Карамзова спрашивает Ивана: что ты заигрываешь с этим Смердяковым? А тот, Иван, отвечает: как что? «Передовое мясо, впрочем». Пригодится, когда «загорится ракета»... А рассуждения в «Идиоте» об угрозе «звезды Полюнь» (образ, взятый из Апокалипсиса)? Кто теперь не знает, что Черно-

быль прямо так и переводится: *полюнь*? Или — такая «деталь» революции: «...С Москвы же и начнется, дров не будет топить, общие квартиры и отучатся от семейной жизни. Стало быть, и другие нравы пойдут»... (16; 291). А «Бесы», которые предвещали «Архипелаг ГУЛАГ»...

И еще один, необходимый исповедальный момент. Долгое время я отчаянно пытался примирить Достоевского с Марксом и Лениным. Оказалось: «две вещи несовместные». И какое предзнаменование, какая ирония истории, какая «игра природы»: 1870-й — Достоевский начинает «Бесов», и рождается В.Ульянов, который, став Лениным, буквально возненавидит «Бесов», зато будет восторгаться прототипом Петруши Верховенского — Сергеем Нечаевым...

Однако не забудем: и Достоевский начинал социалистом, и А.И.Солженицын на Лубянке защищал «Ильича». А чем все кончилось? И я хотел бы подписаться под словами А.И.Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ», часть IV, глава 1):

«Оглядываясь, я увидел, как всю сознательную жизнь не принимал ни себя самого, ни своих стремлений. Мне долго мнилось благом то, что было для меня губительно, и я все же прорывался в сторону, противоположную той, которая была мне истинно нужна <...> Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между партиями — она проходит через каждое человеческое сердце — и через все человеческие сердца. Линия эта подвижна, она колеблется в нас с годами. Даже в сердце, объятном злом, она удерживает маленький плацдарм добра. Даже в наидобрейшем сердце — неискоренимый уголок зла. С тех пор я понял правду всех религий мира: они борются со злом в человеке (в каждом человеке). Нельзя изгнать вовсе зло из мира, но можно в каждом человеке его потеснить.

С тех пор я понял ложь всех революций истории: они уничтожают только современных им носителей зла (а не разбирая впопыхах — и носителей добра) — само же зло, еще увеличенным, берут себе в наследство.

Только сейчас, при третьем, далеко-далеко не законченном прочтении, я, может быть, начинаю постигать Достоевского. И все же в некоторых вещах я, кажется, утвердился бесповоротно. О них и речь.

***

Есть много различных определений, что такое — гений. По Шопенгауэру, например, если талант — это человек, попадающий в цель, в которую другие не могут попасть, то гений — человек, попадающий в цель, которую люди, его современники, вообще не видят. Согласия в определении гения мы вряд ли когда-нибудь достигнем, но я притягиваюсь к пушкинско-достоевскому пониманию: *гений — это наивысшая совесть человека, народа, человечества*. Это — человек, бесстрашно ставящий перед нами «непосильные вопросы», по гоголевскому выражению, столь любимому Достоевским, и хотя бы немного помогающий нам их разрешать. Гений Достоевского, по моему, прежде всего в том и состоит, что он заново перечитал, воскресил Апокалипсис, обжегся им и нас заставляет им обжечься.

Но: что такое Апокалипсис? Спросите у десяти, ста, тысячи человек и убедитесь, что девять из десяти, даже девяносто девять из ста, а скорее всего и все девятьсот девяносто девять из тысячи ответят вам: «Как что? Конец света... — Апокалипсический? То есть: гибельный, беспросветный, обреченный...»

Нет, не «то есть»! Это — не точно, неправильно, неправда.

Подавляющее большинство (и даже очень многие верующие) платят здесь огромную и неосознанную дань воинствующему и невежественному атеизму (тем более воинствующему, чем более невежественному).

В действительности Апокалипсис (самая последняя книга всей Библии, всего Нового завета, самое последнее, *напутственное Слово*) — это просто *Откровение* (греч.), не больше и не меньше. Он так и обозначен в Новом завете: «Откровение святого Иоанна Богослова». О чем откровение — другой вопрос.

именно за эту направленность обвинял Достоевского в «розовом христианстве». И не случайно, приведя слова К.Леонтьева — «Не стоит добра желать миру, ибо сказано, что он погибнет», — Достоевский так ему отвечает: «В этой идее есть нечто безрассудное и нечестивое. Сверх того, чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода, уж коль все обречены, так чего ж стараться, чего любить добро делать? Живи в свое удовольствие» (27; 51).

Да, вне координат Апокалипсиса Достоевский *непостижим ни как художник, ни как человек*. Более того: и в творче-

у художника-мыслителя, которое вело бы его так далеко вперед, как в случае с Достоевским. Это противоречие его действительно измучило, но зато и подарило ему (а через него и нам) такое знание о тайне человека и человечества, которого до Достоевского не существовало (по крайней мере, в «мирских» литературных, художественных текстах). Я бы осмелился определить это главнейшее противоречие приблизительно так: Достоевский, как никто в его время, чувствовал, видел, слышал реальную и все нарастающую угрозу гибели мира от рук человеческих — и оставался в «неве-

Бытие только тогда и есть,
когда ему грозит небытие.
Бытие только тогда и начинается
быть, когда ему грозит небытие.

Ф.Достоевский

Издательство «Лексика» подготовило к изданию 7-томное издание Ф.М.Достоевского в серии «Классики русской и зарубежной литературы». Первый том предвещает статью известно-

О чем же конкретно? Не только и не столько о «конце света» (это раз), но и о «страшном суде» (два), о «новой земле и новом небе» (три), а еще (четыре) — о «тысячелетнем царствии Божьем на земле» (это считается многими догматическими богословами поздней «еретической» вставкой в Новый завет). А еще — о «звере» и т.д. Главное же в том, что Апокалипсис — это *весть не о смерти, но весть о спасении*. Это — *Благовест*. Это, по мысли отца С.Булгакова, — *пятое Евангелие* (после Евангелий от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна, того самого, который и записал свое Откровение).

В 22 главах Апокалипсиса не одна, а множество граней, и каждая из них — таинственна и неисчерпаема. И ни одна из этих граней не прошла мимо внимания Достоевского. Я имею в виду не только и не столько «значки» Достоевского на полях Нового завета, с которым он никогда не расставался (всего 177 таких «значков», 16 из них — на полях Апокалипсиса), но только и не столько заметки в черновиках, в публицистике, в письмах (сотни) и даже не прямые упоминания об Апокалипсисе в его художественных произведениях, но прежде всего и больше всего — самую *апокалипсическую* — *настроенность* на определенную — апокалипсическую — частоту волн. Каждый его роман (и большинство рассказов и повестей) — это своего рода *малый Апокалипсис* и *самое творческое произведение — тоже*.

Подчеркну особую притягательность его к образу «тысячелетнего царства»: «Жизнь хороша, и надо так сделать, чтобы это мог подтвердить на земле каждый» (24; 243). Достоевскому вторит герой из «Сна смешного человека»: «Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей». Не случайный К.Леонтьев

и в жизни он все более осознанно ориентировался именно по этим координатам. Однако и к этим координатам, и к этой ориентации относится его мысль, которой он измучился сам и мучает нас:

«Я скажу Вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных» (письмо от февраля 18).

Еще: «Главный вопрос (...) тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование Божие» (письмо от 6 апреля).

Поразительно, но я почти не встречал исследователей и просто читателей Достоевского, которые бы придавали этим признаниям особое, решающее значение. Художник достигает здесь *высочайшей степени самосознания, высочайшей степени интеллектуальности и духовного мужества*. Это *важнейшее Слово Достоевского о Достоевском*, Слово, без доверия к которому он тоже — непостижим. Это ведь тоже своего рода *Апокалипсис Достоевского*, и он, этот Апокалипсис, самым непосредственным, неразрывным и глубочайшим образом связан с отношением к Апокалипсису святого Иоанна Богослова.

Мне кажется даже, что это Слово Достоевского о Достоевском, это его Откровение и позволяет сформулировать мысль о *главном*, действительно *главном*, а если угодно, о *самом, самом главном противоречии* Достоевского. У Гегеля есть выражение: «Противоречие ведет вперед». Но, может быть, никогда не было такого противоречия

и сомнения» насчет бессмертия души и существования Божьего. Он как никто *верил, хотел верить*, что мир будет спасен теми же руками человеческими, и *не верил* в это спасение без помощи свыше. Его противоречия — это не противоречия между температурой «плюс один» — «минус один» (такое противоречие — *слякоть*, в том числе и умственная). Нет, они раскалены до абсолютного «плюса» и охлаждены до абсолютного «минуса». Как никто он умел заглядывать в «две бездны разом».

И в самом главном своем противоречии он похож на какого-то великого Игрока в Игре, где ставки — бессмертие и смерть, жизнь и гибель, самоспасение и самоубийство рода человеческого. Эти ставки бесконечно растут, одна выше другой, а остановиться он не может, да и не хочет. Вот еще одно Слово Достоевского о Достоевском, имеющее тоже самую непосредственную связь с его главнейшим противоречием, с его отношением к Апокалипсису: «А хуже всего то, что натура моя подлая и слишком страстная: везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил. Бес тотчас же сыграл со мной шутку» (письмо от 28 августа 1867). Конкретно речь шла о материи «низкой», а именно — как раз о буквальном игре в рулетку, но разве не чувствуете вы натуру, азарт, отчаянное мужество высшего игрока и высшую рулетку. И наоборот: разве не чувствуете в беспощадных признаниях о своем «неверии и сомнениях», о том «главном вопросе», который всю жизнь его мучил, — тот же азарт игрока, ту же беспредельно страстную натуру?